

СТОЛИЧНЫЙ ДОКТОР

Глава 1

«...а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша...». Я попытался перелистнуть страницу, но рука соскользнула с Библии, больно ударилась о прикроватный держатель. Это повлекло за собой падение телефона на пол, неприятный звук хрустящего стекла. Пипец котенку. Новый смартфон вдребезги. Я попытался повернуть голову, посмотреть вниз, но, увы, после такого усилия в глазах потемнело, в груди привычно сдавило.

БАС. Боковой амиотрофический склероз. Его еще нежно зовут басиком. Болезнь, которая гарантированно ведет меня в могилу уже полтора года. Шанс подхватить — два случая на сто тысяч. Какова ирония судьбы, а? Ты можешь быть мускулистым, накачанным физкультурником, любителем ЗОЖ, не принимать и не злоупотреблять, но однажды ты почувствуешь одышку при подъеме по лестнице, которую раньше преодолевал чуть не через ступеньку. Затем обращаешь внимание на странные онемения и подергивания. И поначалу списываешь на усталость, недостаток кальция и магнитные бури. Но ерунда эта не прекращается, а витамины не помогают. И из рук всё валится. Ты идешь к знакомому врачу, сдаешь анализы и... ничего. Никто не может поставить диагноз, от которого надо плясать. Вернее, диагнозов много, а вот толку от лечения никакого. А ты уже не можешь выстоять у стола операцию, и поначалу тебя сдвигают на крючки, потом подменяют, потом... Медику больничный получить — проще некуда. Ну и продлеваешь, и продлеваешь. Но легче не становится.

И только через несколько месяцев впервые звучат эти страшные три слова. А потом остальные предположения тают в небытие вместе с мышечным тонусом. Зато кто-то рассказывает, что не так всё плохо, у вас необратимо разрушаются клетки, передающие моторные нервные импульсы, но течение заболевания дает надежду на

длительный период... Но как раз это не работает, и уже следующий специалист, исповедующий принцип не скрывать от пациента правду, начинает разговор с заявления, что осталось мало. И дальше на тебя обрушивают статистику, которую ты и сам смутно помнишь по учебе в универе. Средняя продолжительность жизни больных с таким диагнозом — года три. Только каждый пятнадцатый живет дольше пяти лет. А что вы так побледнели? Вон Стивен Хокинг с БАС прожил целый полтинник и в конце даже развелся и женился на сиделке. Не надо отчаиваться! Вот, выпейте успокаивающего.

Помню, любил начинающим алкашам рассказывать про цирроз. И описывал это как состояние, когда вечером засыпаешь с твердой уверенностью, что хуже уже некуда, а утром понимаешь, что вчера еще ничего так было. Вот и у меня то же самое, только без бухла.

— Мяу!

Я все-таки смог повернуть голову, обнаружил сидящего рядом с кроватью Барсика. Хотел дать другое имя черному мейн-куну после диагноза, уж больно кличка напоминала про болезнь, но котик уже привык к своему имени, напрягать животное не стал.

— Погоди, сейчас придет Рита, покормит тебя. — Я говорил тихим, успокаивающим голосом, но Барсик продолжал негодующе урчать.

На самом деле громко я уже и не мог говорить. Сначала у тебя начинают подергиваться мышцы по всему телу. Потом добавляются спазмы и судороги. Нейроны отмирают, возникают проблемы с глотанием. Текут слюни, как у новорожденного. Растет тотальная слабость по всему телу, ты уже не можешь ходить — пересаживаешься в инвалидное кресло. Мне повезло: ученики купили супернавороченную модель с поддержкой головы, мотором для езды. Мое кресло даже могло спускаться по ступенькам. Прямо как у Стивена Хокинга, чью фотографию я повесил в кабинете. Вроде мотивация. Ученый-то после того, как заболел, сделал десятки открытий, написал сотни научных статей, кучу книг. Вот и я смогу.

Не смог. У меня подтвердили быстропрогрессирующий БАС. От двух до трех лет. Вряд ли больше. Лечащий врач так и сказал: «Вам, Федор Александрович, уже можно писать завещание. Лечение не существует».

Я сам просил его не церемониться со мной. Как писал кто-то из поэтов: «Лучше горькая, но правда, чем приятная, да ложь». И вот тебе говорят все как есть, глаза не отводят, дают ознакомиться

с протоколом лечения. Точнее, протоколом паллиативной помощи. Ибо сначала отказывают двигательные функции, потом — речь, наконец, дыхание. Можно довольно долго просуществовать на ИВЛ, если, конечно, тебя не убьет госпитальная пневмония или какой-нибудь сепсис, но конец всегда один. Ты умираешь, задыхаясь. Во сне или...

— Мяу! — Голодный кот скачком взобрался на кровать.

— Жди сиделку! — попытался успокоить я пушистого. Но какое там... Мейн-кун смело пошел по телу вверх. Семь разожравшихся килограммов.

— Нет, Барсик, назад!

Я попробовал согнать животное с себя, но как назло накатил новый приступ слабости, Библия вслед за телефоном полетела вниз. Кот добрался до грудной клетки, замер.

— Хр...

— Мяу!

— Хрр! — Я еще раз попробовал выгнать животное с себя, но воздуха совсем не хватало, в глазах появилась чернота. Последнее, что запомнил, как Барсик — милый друг — лижет мне лицо.

***

Очнулся я от какой-то влаги на щеках и подбородке. Кто-то усиленно лизал мне лицо, и я первым делом подумал на кота. Не убил! Я жив! Нет, каков же паскудник!

Глаза удалось открыть со второго раза, и... я не узнал Барсика. Обычный черный кот породы двортерьер с голубыми глазами и белой отметиной на лбу.

— Ты кто такой?

В ответ мне досталась новая порция облизывания, которая, впрочем, быстро закончилась: мурлыке занятие наскучило, и он спрыгнул с кровати. Я попытался повернуть голову, и... мне это вполне удалось. Я находился в маленькой светлой комнатке с небольшим окошком. В него билась незадачливая муха. На волю тела. В помещении была кровать, на которой я лежал, рядом стояла массивная тумбочка со стулом, сундук.

Пейзаж был совершенно незнакомым, более того, вся мебель выглядела непривычной, старинной. Так, у стула изогнуты ножки и спинка (прямо как в фильме по Ильфу и Петрову), на сундуке я заметил резьбу в форме китайского дракона.

Я попытался сесть, и меня в районе чуть выше копчика пронзила резкая боль. Тоже непривычная. Совсем не басовская. Я поднес к глазам руки и остолбенел. Длинные худые пальцы, тонкие ручки, через кожу просвечивают кости. Не мои! Во рту сушило, и я вдруг ощутил легкую волну озноба.

Происходящее воспринималось как сон. Какие коты, сундуки и прочий антиквариат? Что там говорят об истинных галлюцинациях у больных БАС? Редкое осложнение? Или мне укололи что-то, отчего все стало таким... Какой самый верный способ выяснить, глюк перед тобой или реальность? На глаз нажать? Нет, вроде так, наоборот, можно вызвать. Не бывает таких ярких, реалистичных и выдержанных во времени галлюцинаций. Да еще, вдобавок ко всему, влияющих на все органы чувств. Что тогда? Мой мозг пересадили в другое тело? Конечно, это же плевая амбулаторная процедура, любой фельдшер со скорой за тыщу делает. Остается только, как рекомендовала Скарлетт О'Хара, подумать об этом позже. Пока будем считать, что я таким был всегда. А потом разберемся.

Так. Что-то тут творится непонятное. Сесть я не могу, а что могу? Например, дотянуться до тумбочки. На ней стояло несколько расписных портретов-миниатюр, лежала кипа газет. Поверх — знакомая мне Библия, но в другой, синей обложке. Ну хоть какой-то якорь в этом странном новом мире.

Я подхватил книгу, открыл по закладке. «...а если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша...» (1-е послание Коринфянам, 15-й стих). Стих знакомый, но почему с ятями? Не моя книга!

Я отложил Библию, поднял первую газету. «Московские ведомости», 19 октября 1894 года. Листок задрожал в руке. «За напечатаніе объявленія въ первомъ разделе каждая строчка стоіт 16 копеек...». Глаза выхватывали все подряд, взгляд метался от рубрики к рубрике, игнорируя яти, фиты... «Государь Император страдает от одышки, усилившейся из-за воспаления легкого...», «Дело майора Дрейфуса и рост напряженности между Францией и Германией», «Начальство Московского учебного округа объявляет конкурс на занятие должности младшего учителя русского языка Московской губернской гимназии»... Газета летит на пол, я хватаю следующую. Все за 1894 год.

В тот момент, когда я дошел до ощупывания себя (длинные волосы, маленькие усы с бородкой, не очень тщательно выбритые

щеки), в соседней комнате раздалось позвякивание, шарканье. Дверь открылась, голубоглазый мурзик рванул на выход.

— Ах ты бесовское отродье! — выругался пожилой лысый мужчина в сюртуке с надорванным правым рукавом.

В руках он держал поднос с тарелками, из правой ноздри свисала сопля — вот сейчас в чашку и ухнет. Прямо как сын Манилова у Гоголя, который будущий посланник. Меня аж передернуло всего, до повторной боли в крестце.

Мужик прошаркал к столу, бухнул поднос на столешницу:

— Стало быть, проснулись уже, Евгений Александрович? Я окошко открою?

Не спрашивая разрешения, мучитель распахнул створки, пустил в комнату холодный воздух. Да, октябрь. В небе — серая московская муть, мелкий, противный дождик.

— Зима-то близенько! — Мужик пригладил длинные седые бакенбарды. — Как жить-то будем? Дровишки надо купить, печника позвать трубы почистить. Это рублей десять будет! А то и больше. А мы еще три рубля должны мяснику, да прачке рупь. А за квартиру как платить?

Лысый выжидающе на меня посмотрел. И что отвечать? Цены-то дореволюционные. Что вкупе с газетами за 1894 года как бы намекает... Ответ мне неизвестен. Может, у меня под подушкой миллион лежит, я там не проверял пока. Свернем с опасной темы.

— Закрой окно, холодно!

Надо было что-то говорить, и лучше всего про погоду.

— Смотри, какой мерзкий дождь.

— Дохтур сказал, что вам нужен свежий воздух! — возразил мужик, но окно закрыл.

— А что он еще сказал?

— А вы, стало быть, не помните? Питание вам нужно хорошее, мясное. А с каких, спрашивается, доходов? Из университета-то вас прогнали, не побоялись-то Бога! А Прохор, паршивец, денег местных не шлет, отговаривается скудостью. Поехать бы к нему, да разобраться, в чем дело. Батогов дать.

В этом месте я невольно скривился, и лысый это быстро просек.

— Хотя по нынешним временам-то сечь запретили дураков. Оне же граждане! — Сопля все-таки упала из носа.

— Кузьма! Кузьма, етить твою налево! — В комнату ворвалась мощная баба в сером платье в пол и телогрейке поверх. Волосы

у нее были убраны под капор, лицо было мясистым, красным, но глаза смотрели весело, даже можно сказать, игриво. — Ты чего не подал барину его кресло? Доброго утречка, Евгений Александрович! Как спалось?

— Все слава Богу, — на автомате ответил я, глядя в красный угол. А икон-то с лампадкой я и не заметил сразу!

— Спина болит?

— Болит, — вздохнул я.

Стало быть, меня «нового» зовут Евгений Александрович.

— Позову сегодня доктора Зингера. Пушай еще разок вас посмотрит.

Кузьма, подволакивая правую ногу, ушел, женщина присела ко мне на край кровати. Потрогала холодной рукой лоб.

— Горячий!

— Это вы с улицы...

— Ну, может быть. Предупреждаю сразу: не дам вам ипохондрить. Прочь тоску!

— Марья Сергевна, — в комнату вернулся Кузьма с уткой в руках, — барину облегчиться бы надо.

— Ой, да! Извините, Евгений Александрович, совсем я опошлелась, неделикатно-то как...

Этот хоровод вокруг меня отдавал какой-то странной цыганщиной. Я затаился и даже смог сделать все дела в девайс, принесенный Кузьмой. Сто лет пройдет, а ничего в санитарном деле не поменяется.

Сразу после утреннего туалета лысый дал мне умыться в тазике, поднес расписное полотенце. Потом притащил в комнату кресло на колесах, помог одеться в халат, пересесть. Все тело ниже пояса я практически не ощущал, то и дело в спину вонзались болезненные прострелы. Оставалось только стиснуть зубы и терпеть. БАС хорошо выдрессировал меня.

Завтрак не произвел особого впечатления. Овсяная каша на воде, кусок серого хлеба с капелькой сливочного масла. Жидкий чай десятой заварки. Вдобавок Кузьма стоял над плечом, хлопая носом. Типа прислуживал.

Однако аппетит был, смел еду я быстро.

— Ну вот и славно, тепереча одену вас, и выйдем погулять на улицу. — Кузьма споро прибрал со стола. — Ах да, дурья моя башка! — Лысый шлепнул себя по морщинистому лбу. — Студент ваш

захаживал вчерась. Вы уже спали... Как его бишь... Славка Антонов! Листовку занес.

Кузьма покопался, достал из кармана свернутый лист, на котором рукописным текстом был написан заголовок:

«Спасем доцента Баталова!»

Дальше тоже шел призыв, написанный от руки: «Студенческий комитет Университета объявляет кампанию по сбору средств на лечение доцента Баталова. Евгений Александрович проработал в нашем университете шесть лет...»

В трех абзацах неведомый мне воззватель описывал трагическую историю доцента, который не вовремя зашел в кабинет к профессору Таллю, в тот самый момент, когда последний пересчитывал крупную сумму, что ему выдали в университетской кассе на научные исследования. Эти деньги заинтересовали отчисленного студента Гришечкина, который сразу за Баталовым ворвался внутрь и потребовал под угрозой пистолета отдать ему деньги.

Профессор в грубой форме отказался, и оскорбленный, да еще нетрезвый Гришечкин начал стрелять. Две пули попали в голову Таллю, но так как стрелял студент из велодога, то выстрелы не оказались смертельными. Обе пули не проббили череп профессора, а только ранили его. Доцент Баталов же, разбив собой стекло окна, выпрыгнул на улицу. С третьего этажа медицинского факультета. Результатом чего стал перелом позвоночника.

«...теперь Евгений Александрович не может ходить, а после позорного увольнения из университета перед ним и его семейством разверзлась финансовая пропасть». В студенте, что составлял листовку, пропал большой литератор. Я вопросительно посмотрел на Кузьму:

— Что за семейство? — ткнул пальцем в строки в конце воззвания.

— Это, стало быть, нынче только я, — хмыкнул лысый, потом погрузился. — Студентики-то про вашу размолвку с Ольгой не знают.

— Размолвка?

Кузьма покряхтел, подергал себя за бакенбарды:

— Это я про разрыв вашей, стало быть, помолвки.

— Вот язык твой поганый! — В комнату внезапно вошла Марья Как-ее-там.

Женщина набросилась на Кузьму и начала его чихвостить в хвост и гриву за то, что лысый смеет портить мое настроение,

изводить меня плохими воспоминаниями. Из этой ставшей взаимной ругани я уяснил для себя еще несколько моментов. Боевая дама — домовладелица, у которой Баталов снимает три комнаты вот уже пять лет. Кузьма — мой слуга, которого я привез с собой из имения уже десять годков тому назад. Некая Ольга недостойна моего мизинца, и гореть ей в аду. Раз есть имение, значит, я дворянин?

Внезапно всю эту ругань прервал громкий перезвон церковных колоколов, который больше напоминал набат. Кузьма и Марья резко замолчали, испуганно переглянулись. Потом слуга размашисто перекрестился.

— Стало быть, преставился царь-то наш, иначе звонить бы по всей Москве не стали.

Мой взгляд зацепил утреннюю газету. И передовицу о печальном состоянии здоровья Александра III.

***

Домохозяйка со слугой мигом испарились — побежали на улицу узнавать новости, а я, с трудом освоившись с поручнями колес, подъехал к окну. Дождь уже закончился, даже выглянуло из-за туч солнышко, но ненадолго, почти сразу умотало обратно. Ненавижу такую погоду, ни рыба ни мясо...

Находился я на третьем этаже каменного дома, внизу кипела городская жизнь: ехали по мостовой пролетки, шли пешеходы. Все сплошь в старомодной одежде — сюртуках, шинелях, крестьяне носили что-то вроде армяков. Ни одного москвича без головного убора! Женщины — в шляпках, многие еще и в вуалетках. На мужчинах — кепки, котелки... Кино натуральное.

На перекрестке я увидел настоящего городского, усатого, с шашкой-селедкой на боку. Делал он примерно ничего: прохаживался туда-сюда, покрикивая на бегающих пацанов. Удивленно глядел на церковную колокольню, подкручивая ус.

На всякий случай я себя ущипнул. Конечно, бывает и сложный бред, с болевыми синдромами, галлюцинациями... Но явно не в этом случае. Приоткрыл окошко, принюхался. Пахло дождем и... говном. Точнее, навозом, что производили десятки лошадок, едущих по улице. Судя по оживленному движению, я, очевидно, нахожусь где-то в центре Москвы. Но где? Надо бы очень аккуратно разузнать.

Пока я размышлял над своей печалью, набат усилился, движение на улице остановилось. Люди начали сбиваться в кучки,

женщины вытащили платочки. Городовой, придерживая пашку, куда-то убежал, на перекрестке случился натуральный затор: конке преградила путь большая телега. Раньше такие называли ломовыми.

Я закрыл окно, задумался. Это стопроцентное прошлое. Царская Россия, конец девятнадцатого века. Лучше не придумашь! Дальше — Русско-японская война, революция пятого года, Первая мировая, революции семнадцатого, Гражданская война, тиф, голод... Один беспросветный ужас для простого человека. Да и непростых за все это время выпилят столько, что волосы шевелятся. Впрочем, до всего этого надо еще дожить.

Внизу хлопали двери. Я потрогал свои ноги, резко ударил по коленям. Чувствительность явно снижена, но она есть! Значит, у нас тут, скорее всего, компрессионный перелом позвонков и сдавление. Или какое-то смещение. Хотя последнее вряд ли. Но это восстанавливается. Это я знаю точно, все-таки закончил медицинский факультет с красным дипломом. Аксоны могут вырастать заново, Дикуль не даст соврать.

Ладно, это все позже, это все ждет. Я навалился на колеса, хоть и через боль, но смог проехать в соседнее помещение. Это был классический кабинет ученого, с большим столом, креслом, шкафами, забитыми книгами. На стене висел портрет бородатого мужчины. Вестимо дело, картина любому медику знакома. Кто ж не знает Сергея Петровича Боткина? Самый распоследний троечник уверенно расскажет, что это тот самый основоположник, который гепатит А изобрел. Круче него только Пирогов, да и то местами.

Я подкатил к столу, открыл ящики. Паспорт, диплом, аттестат, рекомендательные письма... Евгению Александровичу Баталову было тридцать один год. Уроженец Тамбовской губернии, из имения Знаменское. Дворянин, православный. Образование домашнее, затем — московская губернская гимназия. Полный курс.

В двадцать лет поступил в Московский императорский университет на медицинский факультет. Окончил блестяще, высшие отметки по всем дисциплинам. Остался на преподавательской работе, вел научную деятельность. Судя по статьям, Баталов занимался патологоанатомическим направлением, а также топографической анатомией в куче с оперативной хирургией. После того как Пирогов придумал резать замороженные трупы, чтобы органы не смещались, это стало весьма популярным делом. Причем делал это

доцент публично, в московских клиниках, об этом свидетельствовали многочисленные черно-белые фотокарточки, размещенные в специальной папке. Все участники в обычной одежде, никаких белых халатов, шапочек и повязок на лицах.

Библиотека была представлена медицинскими изданиями, анатомическими атласами и справочниками. Впрочем, была и классика: Толстой, Пушкин... Впрочем, какой Толстой классик? Хотя основное вроде уже написал.

Я убрал документы в стол, задумался. В ящиках была пачка писем, явно корреспонденция с родственниками. Надо бы все изучить, чтобы понять насчет новой семьи.

Я попробовал слово «семья» на вкус. В моей прошлой жизни жена, как только узнала о БАС, почти сразу ушла. Родители к этому времени успели умереть, детей у меня не было. Просто не успел. Болезнь сделала меня одиночкой-затворником. Только студенты и коллеги иногда навещали. Какая ирония, да? И там, и здесь МГУ, медицинский факультет. И специализация почти одинаковая.

Там я занимался полостной хирургией, слыл универсалом... Я горько засмеялся. Как же, король операционной, под Стиви Рэй Воэна первый разрез всегда делал... Эстет, блин. Подамся в фармакологию, не напрасно же почти три года медпредставителем впахивал, презентации готовил, статьи в «Ланцете» читал, пытался понять эту кухню. Вот сейчас вспомню технологический цикл производства пенициллина вместе с силденафилом, и можно ехать на верфи, стометровую яхту заказывать.

Наконец, звон колоколов на улице прекратился, воцарилась странная тишина. Я опять подъехал к окну. По проезжей части шел крестный ход — православные несли хоругви, кресты... Людей в черном прилично так прибавилось.

Интересно, почему все-таки на стене у Баталова висит не Павлов, не почивший царь-батюшка, а Боткин-старший? Может, он был учителем у доцента?

— А, вот вы где! — В кабинет зашел Кузьма. — А раньше со спаленки-то уезжать отказывались!

— Прогресс, — покивал я. — Ну, что там с царем?

— Помер, — вздохнул слуга. — В Ливадии. Это же где такое место-то?

— В Крыму, — буркнул я, задумавшись. И вовсе не об Александре III, а о том, «где деньги, Зин?». В ящиках стола наличность

отсутствовала. Кошелек я тоже не обнаружил. — Кузьма, а куда ты дел деньги?

— Не трогал я вашего Ломоносова! — Слуга испугался и даже отступил обратно к двери.

— Какого Ломоносова? — удивился я.

— Ентого. — Кузьма ткнул пальцем в бюст Михаила Васильевича на столе. Массивный такой, сантиметров сорок высотой. Это, значит, там у Баталова заначка? Похоже на секретный сейф.

— Не пугайся, Кузьма, сам же говорил, что долги у нас. Надо разобраться.

Да и студенты пишут про финансовую пропасть. Или это Баталов им жаловался? Мне очень захотелось взглянуть на себя нового.

— Вот что, принеси-ка мне зеркало.

Слуга облегченно вздохнул, мигом испарился, а я подъехал к бюсту, потрогал его. Стоит словно влитой. Я, морщась от боли в пояснице, заглянул под стол. А, точно, вмурованный! Вон и массивные шляпки болтов видны. А гайки, стало быть, там, внутри. Я еще раз потрогал бюст, погладил Михаила Васильевича по голове. Умнейший человек, уникал. Только вот как открыть этот сейф?

Глава 2

С сейфом я возился долго. Уже успел пришаркать Кузьма, принести зеркало. Ничего необычного я там не увидел. Мужчина лет тридцати, с голубыми глазами, густыми черными волосами, тонкими нервическими губами. Усики были еще туда-сюда, а вот борода ужасала. Росла она какими-то рваными клочьями, выглядело все это очень отвратительно. Надо сбривать, сто процентов.

А что я сижу здесь? А вдруг это кино скоро кончится, и я вернусь в свою кровать, продолжать умирать? Пора набираться впечатлений, а то так и останется в памяти рваный рукав и не очень хорошая копия известной картины.

— Кузьма, ты вот что, — задумался я. — Найми пролетку, хочу прокатиться по городу.

— Евгений Александрович! — заголосил слуга. — Ну куда ехать-то больному да немощному?!

— Не перечь мне! — пристукнул я рукой по столу, чем слегка напугал Кузьму. — Хочу развеяться. Ясно тебе?

— Ясно. Уж какой вы стали суровый... А на какие шиши-то ехать? Да и куда?

— По центру прокатимся. Неужели у тебя совсем денег не осталось?

Я испытующе посмотрел на слугу. Тот отвел глаза.

— Есть пара рублишек. Но они на еду!

— Как-нибудь проживем, не беспокойся.

Кузьма ушел, а я все-таки смог вскрыть сейф. Срабатывал он от двойного нажатия на глаза Михаила Васильевича, после чего голова Ломоносова откидывалась и внутри открывалась небольшая ниша. Я пошарил там рукой. Пусто. А нет... есть что-то. Листок бумаги. Я достал его, развернул:

«Chérie Евгений!

Я пишу тебе с тяжелым сердцем, чтобы сообщить о своем решении. С тех пор как мы встретились, я нашла в тебе друга, опору и даже любовь. Но сейчас, когда наши пути начинают расходиться, я понимаю, что время пришло.

Мы оба понимаем, что в нашей жизни грядут перемены (увы, увы, tout cela est très triste...), и мы должны быть готовы к ним. Я знаю, в каком ты сейчас положении, и это делает наше расставание еще труднее. Мне жаль, что все так складывается! Но я знаю, что мы оба будем сильнее благодаря этому опыту.

Ты знаешь, что моя жизнь принадлежит искусству, у меня есть договор с театром, и я вынуждена ездить на гастроли. Директор ведет себя ужасно, тащит везде эту кокетку Жанель. Так что...

Я очень благодарю тебя за то время, которое мы провели вместе, за смех и слезы, за радость и печаль. Ты был моей опорой и моей радостью, и я никогда тебя не забуду!

Ольга.

P.S. Ах да! Вынуждена взять двести рублей, что лежат в тайнике. Прости! Они мне сейчас нужнее, отдам как только смогу!»

Я перечитал письмо, даже зачем-то понюхал его. Пахло цветочными духами. Почерк был быстрый, летящий. Кое-где были посажены небольшие кляксы.

Эх, Ольга, Ольга... Мне даже стало обидно за Евгения. Выбрал себе такую ветреную особу, которая сбежала, как только с возлюбленным случилась беда. Да еще и обворовала его, судя по постскриптому.

Я засунул «письмо Татьяны» обратно в сейф, закрыл Ломоносову голову. Внутри меня грызла какая-то обида. Вроде бы занял

чужое тело, совсем слегка увидел постороннюю жизнь, а уж примеряю ее на себя, раздражаюсь и злюсь. Что бы я тот, будущий, сделал с этой Ольгой? Как бы повел себя? Воронка сама на себя написала показания в полицию. Отдать письмо следователям, написать заявление, или как оно тут называется, и поедет Оленька не на гастроли, а совсем в другое место.

Задумался. Нет, я так поступить не могу. А как могу? Внезапно все тело бросило в жар, резко заломили кости. Заодно напомнил о себе позвоночник такой тянущей, нетерпимой болью, что я даже застонал. Но тихо, через зубы. Станный какой-то приступ, охватывает все тело, а не только травмированную спину.

Когда пришел Кузьма и позвал одеваться, я уже думал отказаться от поездки. Только сейчас я понял, почему Баталов не хотел вставать с постели. Слабость, боль, ломота с жаром, всего трясет, будто алкаша после запоя. Ощутил себя натуральным ветхозаветным Иовом, которого мучают все болячки разом. Нет, не то чтобы я был большим христианином, который изучает всех святых по Библии, но найти утешение в Книге Книг — особенно в Екклесиасте с его знаменитой фразой «суета сует» — получилось. Такая вот религиозная психотерапия.

Но пересилить себя все-таки смог. Позволил отвезти в спальню, переодеть в белую сорочку и серый шерстяной костюм. Кузьма даже повязал мне необычный, широкий галстук. От слуги нестерпимо пахло табаком, но я стойчески выдержал это нарушение личного пространства. Боль в спине немного утихла, прошла и ломота в теле.

Спуск меня красивого с третьего этажа, где была наша квартира, превратился в целую военную операцию. Позвали дворника с улицы, а еще слугу нашего соседа снизу. Втроем удалось стащить инвалидное кресло вниз и даже не уронить никого.

Предусмотрительный Кузьма нанял просторную пролетку с двумя лошадками и грустным кучером в шапке-треухе. Вроде не холодно еще, а народ уже утепляется. По ощущениям градусов шесть или восемь. Пар изо рта не идет, я даже специально подышал в воздух. Хотя утречком, когда извозчики начинают свою работу, может и минус быть.

Кузьма цыкнул на кучера, тот слез с козел, помог посадить меня в пролетку. Слуга вернул инвалидное кресло дворнику, спросил меня:

— Куда едем?

— Прямо, — махнул рукой я вдоль улицы.

Местность узнать удалось весьма быстро. Дом, в котором я оказался волей неведомых высших сил, находился в Староконюшенном переулке.

Под вновь зарядивший дождик мы выехали на Арбат, покатали в сторону центра. На улице уже начали развешивать черные траурные ленты, на государственных зданиях приспустили имперские флаги. Тем не менее жизнь в городе не остановилась и очень себе даже кипела. Ехали извозчики, ударяясь о тротуарные столбы, катили подводы с дровами, сеном... Шли школяры в форменных фуражках, студенты и служащие с кипами книг и бумаг.

С особым интересом я разглядывал женщин. Под элегантными зонтиками, в каретах и экипажах, похоже, светские дамы, все сплошь в темных платьях, выбрались на визиты. Оно и понятно: такой повод, царь умер. Поди в гостиных и дворцах аншлаг. А вот простой народ больше у церквей толпился, крестился, не обращая внимание на дождик.

Я поразглядывал ворота Китайгородской стены, велел ехать дальше.

А сколько новых рек оказалось в Москве! Черногрязка, Чечора, Напрудная, Чарторый, Ольховец... А как вам торг на Васильевском спуске? Ряды, где торгуют рыбой, раками, даже пиявками... Пять копеек за дюжину. Я специально послал Кузьму узнать. Удивило несколько причалов на Москва-реке: с корабликов тоже торговали разной рыбой.

— Барин, сколько же можно кататься без толку? — подал свой голос намокший кучер.

Замерз, бедняга. Лошадки тоже недовольно прядают ушами.

— Умолкни, тетеря! — тут же огрызнулся Кузьма.

Слуга тревожно ощупывал свой карман с последними деньгами и напряженно поглядывал на меня: когда, мол, уже закончится это дурацкая экскурсия?

— Останови вон там. — Я увидел вывеску кабака, рядом с которым стояло двое то ли крестьян, то ли мастеровых. Шло традиционное русское «ты меня уважаешь?».

— Евгений Александрович! — встрепенулся Кузьма. — Христом молю, поедем в чистое место. Тут, не дай бог, по голове вдарят. А вы и так больной весь.

Деликатности ноль, ну да ладно, я привычный.